

**Notre Dame International Workshop
on the History of the Russian Revolution
College of Arts and Letters, University of Notre Dame
Saint Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences**

**Modern and Contemporary Russian History:
Monographs and Documents**

Vol. 12

Forschungen und Dokumente zur neuesten Geschichte Russlands

Bd. 12

N.N. Platonova

Diary (1889–1921)

Riazan

2020

**Нотр-Дамский международный семинар
по истории Русской революции
Факультет гуманитарных и общественных наук,
Нотр-Дамский университет (США)
Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук**

**Новейшая российская история:
исследования и документы**

Том 12

Н.Н. Платонова

Дневник (1889–1921)

Рязань

2020

**Modern and Contemporary Russian History:
Monographs and Documents**

Forschungen und Dokumente zur neuesten Geschichte Russlands

Editors

S. Lyandres, University of Notre Dame (USA)

P. Tribunskii, House of Russian Diaspora named after A. Solzhenitsyn (Moscow, Russia)

D. Wulff, Higher School of Economics / Deutscher Akademischer Austauschdienst (Russia / Germany)

Editorial board

T. Emmons, Stanford University (USA)

G.M. Hamburg, Claremont McKenna College (USA)

M.D. Karpachev, Voronezh State University (Russia)

S.I. Mikhal'chenko, Briansk State University (Russia)

Iu.A. Petrov, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow (Russia)

A. Walicki, University of Notre Dame / Polish Academy of Sciences (USA / Poland)

Новейшая российская история: исследования и документы

Редакторы серии:

Д. Вульф, Высшая школа экономики / Германская служба академических обменов (Россия / Германия)

С.М. Ляндрес, Нотр-Дамский университет (США)

П.А. Трибунский, Дом русского зарубежья им. А. Солженицына (Москва, Россия)

Редакционный совет серии:

А. Валицкий, Нотр-Дамский университет / Польская Академия наук (США / Польша)

М.Д. Карпачев, Воронежский государственный университет (Россия)

С.И. Михальченко, Брянский государственный университет (Россия)

Ю.А. Петров, Институт российской истории РАН, Москва (Россия)

Г.М. Хамбург, Колледж Клермонт Маккена (США)

Т. Эммонс, Стэнфордский университет (США)

Дитмар Вульф (Dietmar Wulff, 1955–2020)

Двенадцатого февраля 2020 г. в Санкт-Петербурге скоропостижно скончался наш многолетний коллега, редактор-основатель серии НРИИД Дитмар Вульф. Последние шесть лет Дитмар жил с семьей в Санкт-Петербурге, преподавал в департаменте истории Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в звании профессора практики и долгосрочного доцента Германской службы академических обменов (DAAD). Трудно выразить словами боль и горечь постигшей нас всех утраты. Российские и германские друзья и коллеги Дитмара уже не раз отмечали его многочисленные научные и организаторские заслуги, его исключительный преподавательский талант и на редкость внимательное, дружеское отношение ко всем без исключения студентам и аспирантам, с которыми ему приходилось сталкиваться на длинном профессиональном пути в Германии, России и США. Здесь мы хотели бы коснуться менее известной, но, пожалуй, не менее важной стороны деятельности Дитмара, которая связана с его участием в создании научной серии НРИИД.

Как известно, круг научных интересов и контактов Дитмара был обширен и разнообразен. Понимание им российских реалий 1990-х гг. и, что особенно важно, проблем, с которыми постоянно сталкивались историки в провинции, не имело себе равных среди зарубежных историков. Да и правильно ли называть Дитмара *зарубежным* историком? Его знание русской истории, его понимание русской культуры, погружение в русский быт были столь глубоки, что Дитмар ощущал себя одинаково комфортно как в родной Германии, так и в ставшей ему практически родной и душевно близкой России. Дитмар остро переживал практически повальное обнищание российского населения в 1990-е гг., но особенно сильно он реагировал на хроническое недофинансирование, коснувшееся наших коллег за пределами Москвы и Петербурга, а если быть более точным – всех тех, кто не имел доступа к тщательно оберегаемым академическим кормушкам. В те годы Дитмар часто бывал в России, из первых рук знал о положении дел, и именно это понимание, в сочетании с исключительными личными качествами Дитмара, в первую очередь его добротой, неугасающим оптимизмом и готовностью прийти на помощь коллегам и друзьям, подтолкнули его к мысли о необходимости создания особой научной серии, посвященной истории России XVIII–XX столетий. Способствовать публикации (и бесплатному распространению) исследований как раз непривилегированных историков и стало главной целью основанной Дитмаром (и автором этих строк) 20 лет назад серии НРИИД. Не вдаваясь в подробности многочисленных неудачных попыток заручиться финансовой поддержкой общеизвестных фондов в США и Германии, отметим, что только благодаря находчивости, предприимчивости и бескорыстности Дитмара нам удалось получить необходимые средства на публикацию первой монографии. И хотя по прошествии нескольких лет серия обрела наконец надежный источник финансирования, первые несколько монографий были изданы благодаря инициативе и активному материальному участию Дитмара. Причем были случаи, когда Дитмар выделял необходимые средства из своего собственного (порой весьма ограниченного) бюджета. Хотелось бы надеяться, что авторы опубликованных в серии НРИИД книг и их читатели сохраняют память о ее редакторе-основателе, нашем дорогом друге и коллеге Дитмаре Вульфе.

Светлая ему память!

УДК 94(47).082/084
ББК 63.3(2)52+61.84
П 37

Платонова Н.Н.

П 37 Дневник (1889–1921) / Редкол.: А.Ю. Дворниченко, С.М. Ляндрес, В.М. Панеях, В.Н. Плешков, Е.А. Ростовцев (отв. ред.), П.А. Трибунский (отв. ред.), А.Н. Цамутали (рук. проекта); подгот. текста В.В. Андреевой, А.Н. Одинокова, И.П. Потехиной, Е.А. Ростовцева, П.А. Трибунского; коммент. Т.Н. Жуковской, В.И. Мусаева, П.А. Трибунского; вступ. ст. Е.А. Ростовцева, А.Н. Цамутали. – Рязань, 2020. – 881 с., ил. – (Сер. «Новейшая российская история: исследования и документы». Т. 12).

ISBN 978-5-94473-021-3

Внимание читателя предлагается научное издание дневника Надежды Николаевны Платоновой (1861–1928) – жены знаменитого историка, профессора Санкт-Петербургского университета, академика Сергея Федоровича Платонова. Надежда Николаевна – выпускница Высших женских (Бестужевских) курсов – была не просто «замужем» за известным ученым, она в полном смысле слова являлась его помощником, соратником и единомышленником, и ее собственные работы оставили заметный след в исторической науке. Дневник охватывает период с конца 1880-х до начала 1920-х гг. и является ценнейшим источником как по истории науки и академической жизни Петербурга (Петрограда), так и повседневности, быта интеллигенции рубежа XIX–XX столетий. Одна из центральных тем дневника Н.Н. Платоновой – отношения власти и общества в России. В тексте нашли яркое отражение бурные социальные катаклизмы первых десятилетий XX века – революции, Первая мировая и Гражданская войны, конец старого режима, начало процесса советизации российской высшей школы. На страницах дневника в разном фокусе возникают ведущие представители интеллектуальной и политической элиты империи, а затем и новой, советской России.

Издание будет интересно не только историкам, но и всем интересующимся культурой, бытом, атмосферой жизни российского общества конца XIX – начала XX в.

На фронтисписе: Н.Н. Платонова, 1920-е гг. (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5291. Л. 4)

Охраняется законом РФ об авторском праве и смежных правах. Воспроизведение всей книги или любой ее части (в том числе в электронном виде) без письменного разрешения издателя и редакторов серии запрещается. Попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

ISBN 978-5-94473-021-3

- © Д. Вульф, серия «Новейшая российская история: исследования и документы», 2020
- © С.М. Ляндрес, серия «Новейшая российская история: исследования и документы», 2020
- © П.А. Трибунский, подготовка текста, комментарии, серия «Новейшая российская история: исследования и документы», 2020
- © В.В. Андреева, подготовка текста, 2020
- © Т.Н. Жуковская, комментарии, 2020
- © В.И. Мусаев, комментарии, 2020
- © А.Н. Одинокоев, подготовка текста, 2020
- © И.П. Потехина, подготовка текста, 2020
- © Е.А. Ростовцев, подготовка текста, вступительная статья, 2020
- © А.Н. Цамутали, вступительная статья, 2020

А.Н. Цамутали

Дневник Н.Н. Платоновой как исторический источник

Хранящийся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки дневник Надежды Николаевны Платоновой (урожденной Шамониной) уже неоднократно привлекал к себе внимание историков¹, ему посвящены также специальные статьи, в которых подчеркивается значение дневника как источника по истории исторической науки и в целом российского общества рубежа XIX–XX вв.² Наряду с мемуарами самого С.Ф. Платонова, дневниками М.М. Богословского, Ю.В. Готье, А.Н. Савина, воспоминаниями П.Н. Милюкова, А.А. Кизветтера, Н.И. Кареева, С.П. Мельгунова, И.М. Гревса, изданиями эпистолярного наследия М.М. Богословского, С.Б. Веселовского, С.Ф. Платонова, А.С. Лаппо-Данилевского, А.Е. Преснякова³, целым рядом других публикаций источников личного происхождения, дневник Н.Н. Платоновой дает возможность как исследователю, так и просто заинтересованному читателю не только заглянуть за кулисы российской исторической науки предреволюционной эпохи, но и почувствовать, чем жила и дышала российская интеллигенция Серебряного века.

Несколько слов об авторе дневника. Надежда Николаевна Шамонина родилась в 1861 г. Она принадлежала к передовой части русской молодежи, стремившейся к знаниям. Ее юность пришлось на время, когда и для женщин начало становиться доступным высшее образование. Н.Н. окончила Высшие женские курсы, носившие в обыденной жизни название «Бестужевских». В 1885 г. в возрасте 24 лет вышла замуж за Сергея Федоровича Платонова, с которым прожила вместе 40 лет, до самой своей смерти в 1928 г. У Н.Н. и С.Ф. Платонова было девять детей. Вместе они делили радости и горести семейной жизни (среди несчастий была и смерть нескольких детей).

На плечах Н.Н. было налаживание семейного быта, тем более, что в доме бывало много гостей. Несмотря на заботы о доме, детях, семье, Н.Н. и в замужестве жила богатой духовной жизнью. Ею были написаны статьи, сделаны переводы работ на иностранных языках, написан биографический очерк о писательнице Кохановской (Н.С. Соханской)⁴.

Внимательно следила Н.Н. за театральной и музыкальной жизнью. Сама неплохо играла на фортепиано. Не была она чужда и спорта. А.Е. Пресняков,

один из учеников С.Ф. Платонова, в письме, написанном матери 22 марта 1894 г., изложил содержание речи, произнесенной С.Ф. Платоновым на диспуте Г.В. Форстена и посвященной памяти В.В. Бауэра. Заметив, что речь С.Ф. Платонова была краткой, Пресняков давал этому объяснение: «У него жена опять больна. Вот дамы! Покаталась верхом, когда нельзя было, и хворает почти год! Ее очень жаль, и ради нее самой – она такая славная и такая умная, – и за Платонова»⁵.

Ремарка Преснякова весьма показательна. Он воспринимает Н.Н. и С.Ф. Платоновых как единое целое. Заметим попутно, что в письмах Преснякова и к матери, и к жене не раз упоминается Н.Н., ее гостеприимство, ее постоянный интерес к делам, которые касались не только самого С.Ф. Платонова, но также его коллег и учеников. Из этих писем видно, что в тех случаях, когда С.Ф. Платонова не было дома, гостей принимала Н.Н. Так, 17 сентября 1895 г. Пресняков писал матери, что «в четверг были у Платонова, но не застали. Надежда Николаевна была дома и приняла нас»⁶. В сентябре, когда начинался учебный год, у Платоновых возобновлялись «среды», дни, когда постоянно принимали гостей. Побывав на первых «средах» у Платонова, Пресняков 17 сентября 1897 г. сообщал жене: «[ада]не Платонова очень расспрашивала о тебе и просила не забывать их»⁷.

Сообщая в письмах о посещениях дома Платоновых, Пресняков часто писал, была ли дома Н.Н. Постоянно беседуя с Н.Н., Пресняков в некоторых случаях пытался через нее выяснить, каково мнение С.Ф. Платонова о тех или иных людях или событиях. Так, 6 мая 1903 г. Пресняков сообщал жене, что ему «интересно, как отнесется к его курсу в гимназии Таганцевой Платонова», так как в этой гимназии одна из дочерей Платоновых «переходит в VIII класс». Ожидая ответа на этот вопрос, Пресняков писал: «Авось, скажет что-нибудь, хотя они оба, и он, и Над[ежда] Ник[олаевна], предпочитают критиковать за глаза, чем в глаза». Про себя Пресняков думал, что «отзыв со стороны, от людей, наших форстенятских интересов, был бы очень интересен»⁸. В свете этих замечаний Преснякова отзывы и оценки в дневнике Н.Н. приобретают особое значение, так как в них содержится, по-видимому, многое из того, что «в глаза» не было высказано. Примечательно, что Пресняков в этом письме относит себя к числу «форстенят», т.е. тех, кто входил в кружок, сложившийся вокруг профессора всеобщей истории Г.В. Форстена. Деление на отдельные кружки, наряду с другими темами, касающимися повседневной жизни университетской, академической, вообще ученой среды, не раз отмечается и обсуждается в дневнике Н.Н. Особенно это относится к записям, сделанным в 1889–1896 гг.

Свои визиты в дом Платоновых, как правило, по «средам», А.Е. Пресняков описывает в письмах 1890-х гг. По-видимому, оживление в доме Платоновых по «средам» сохранялось и в последующие десятилетия. Г.В. Вернадский, попавший в дом Платоновых в начале XX в. (в промежуток между революциями 1905 и 1917 г.), живо рассказал, как проходили эти «среды». Приведем небольшой отрывок из его воспоминаний: «Гости сначала сидели или стояли в гостиной и там беседовали. Когда почти все завсегдашние собрались, переходили в обширную столовую, где уже накрыт был стол. Стоял большой самовар, расставлены бутерброды с ветчиной, колбасой и сыром и всякие сладкие печения. Все это гости сами передавали друг другу. За самоваром сидела

супруга Сергея Федоровича Надежда Николаевна. Ей помогала старшая дочь – Надежда Сергеевна, ученица своего отца по русской истории. Разговаривали сосед с соседом или через стол, обменивались научными и житейскими новостями. В таких разговорах участвовал и сам Сергей Федорович. Иногда он овладевал ходом беседы, и разговор становился общим. Под конец вечера кто-нибудь из присутствующих просил Сергея Федоровича рассказать что-либо из его воспоминаний. Довольно часто он рассказывал о своих поездках по старым городам и монастырям в поисках древних рукописей. Рассказывал он необыкновенно ярко и увлекательно»⁹.

Характеризуя дневник Н.Н. Платоновой, нельзя не обратить внимание на некоторые особенности авторского стиля и изложения, которые свидетельствуют о том, что дневник, вероятно, писался в расчете на стороннего читателя. Например, только в нескольких записях первой тетради дневника Н.Н. называет мужа Сережей, а дальше – исключительно по имени-отчеству: «С.Ф.-ч.» или «С.Ф.», фактически отсутствуют указания на семейные проблемы или какие-либо личные обстоятельства жизни автора, значительная часть записей следует четкому плану, обозначенному на полях карандашом, в тексте после некоторых записей автор часто оставляет свободные строки, которые в ряде случаев впоследствии заполняются дополнениями (иногда – другими чернилами), в текст вносятся постоянные правки уточняющего характера, исправляющие эпитеты, детали событий и т.п. Все это дает основания предполагать, что дневник создавался как своеобразное описание не только деятельности его основного героя – Сергея Федоровича, но и быта и жизни эпохи.

Сохранившиеся в дневнике Н.Н. записи охватывают несколько периодов. Первый: с сентября 1889 по август 1896 г. Н.Н. в эти годы делает много записей, связанных с преподавательской и научной деятельностью С.Ф. Платонова. Среди них – описание диспутов при защите диссертаций, характеристика коллег и учеников С.Ф. Платонова. Значительное место отведено взаимоотношениям между сложившимися в научной среде кружками, тем сложностям, которые иногда возникали между С.Ф. Платоновым и его коллегами. Много упоминаний, порой – колкостей, об А.С. Лаппо-Данилевском. Между С.Ф. Платоновым и его кружком, с одной стороны, и А.С. Лаппо-Данилевским, с другой, многие годы существовало что-то вроде соперничества. Об этом не раз писали и современники, и историки, занимавшиеся историей исторической науки в России. А.Е. Пресняков в письме к матери от 20 марта описал диспут Г.В. Форстена, который, по общему мнению, не только прошел успешно, но и выделялся среди других как «хороший, содержательный и приятный», а также о праздничном ужине в квартире Форстена, где собралось «человек 25»¹⁰. Преснякову бросилось в глаза то, что за ужином «сели по всем правилам местничества: с одного конца сидели кончающие студенты с Лаппо-Данилевским, потом старший Ламанский с Васильевским, потом посторонние университету, опять студенты, затем мы, кружок Платонова, потом Форстен, рядом с нами пустой стул, и на противоположном конце Гревс с Кареевым». Преснякову «это кололо глаза», и он завел «с Платоновым разговор по душам о причинах такого деления». Платонов в этом разговоре «был необыкновенно искренен и вообще был такой задушевный», что «совсем

тронул» Преснякова. Платонов попытался объяснить Преснякову, «что кружки – его и Лаппо-Данилевского различаются двумя признаками: те – дворяне по воспитанию с хорошим домашним воспитанием, с обширными научными средствами, демократы по убеждению и по теории, люди с политическими стремлениями, с определенным складом политических взглядов, в которые догматически верят и потому не терпимы к чужим мнениям». В отличие от них, «платоновцы, разночинцы, люди другого общества, другого воспитания, с меньшим запасом научных сил, очень разнородные по убеждениям, только лично дружкой, а не каким-нибудь общим *credo*, связанные между собой. По характеру ума они скептики, недовольные ныне господствующими порядками не менее тех, они не видят средств бороться и переносят их по внешности равнодушно, делая свое учение и преподавательское дело и не пропагандируя своего недовольства, не требуя непременно согласия с собою и спокойно относясь к противоречиям и противоположным убеждениям. даже мало симпатичным». Платонов говорил Преснякову, что «платоновцы» «не сторонятся другого кружка, но тот игнорирует их; попытки сближения были и кончились обидой для них же»¹¹.

В дневнике Н.Н. много записей, дополняющих представление о сложных взаимоотношениях С.Ф. Платонова с А.С. Лаппо-Данилевским. Между тем, при всем при том, оба, и Платонов, и Лаппо-Данилевский, в конечном счете отдавали друг другу должное. Подтверждение тому можно видеть в том, что в книге об А.С. Лаппо-Данилевском, написанной вскоре после его смерти. А.Е. Пресняков вспоминал, как С.Ф. Платонов говорил своим ученикам: «Слушайте доцента Лаппо-Данилевского»¹².

Записи в дневнике Н.Н. за сентябрь – октябрь 1905 г. свидетельствуют о большом потрясении, причиной которого стали революционные события. О том, что Н.Н. очень остро переживала революционную бурю 1905 г., свидетельствует и упоминание о ней в письме А.Е. Преснякова к жене, Ю.П. Пресняковой, от 11 сентября 1905 г. Пресняков по поводу того, что он видел Н.Н., писал, что, по словам С.А. Адрианова, «она совсем растерянная, ничего не понимает и ничему не сочувствует из творящегося ныне в России». Далее Пресняков обращает внимание на известные расхождения в оценке событий между Н.Н. и С.Ф. Платоновыми: «Даже с С[ергеем] Фед[оровичем] она во многом расходится, и это ее удручает. Он все-таки кое в чем шире и терпимее ее»¹³.

Всего две записи за 1914 г. предшествуют комплексу записей за 1915 г. Уже идет Первая мировая война. Значительная часть записей – переданные кем-либо известия о военных действиях, о состоянии армии, о работе военной промышленности. В какой-то мере записи о том, что происходит в стране и на фронте, преобладают. Наряду с ними – новости, касающиеся правительственных сфер. Идет речь и о том, что происходит в царской семье и великокняжеской среде. Когда заходит речь об университете, Академии наук, Женском педагогическом институте, то повествование о научной и преподавательской деятельности перемежается с сообщениями о слухах, связанных с возможными назначениями, с имевшими место в высших сферах скандалами. Поэтому эта часть дневника Н.Н. интересна прежде всего с точки зрения освещения повседневной жизни. иногда – закулисных интриг, теневых сторон в деятельности государственных учреждений, в первую очередь Министерства народного просвещения, а также

Министерства внутренних дел, Военного министерства и других ведомств. Неоднократно сообщается о слухах, согласно которым С.Ф. Платонова якобы прочили на должность то товарища министра народного просвещения, то министра. Известие о том, что такое назначение не последовало, сопровождается выражением чувства облегчения и удовлетворения. Источником сведений, попадавших в дневник Н.Н., были не только коллеги С.Ф. Платонова. Очень часто встречается имя приближенного к власти журналиста И.Я. Гурлянда. Он то «сообщил что-то по телефону» (записи за 1 февраля 1914 г., 12 января 1915 г.), то «заходил к С.Ф. (15 января 1915 г.)», то информировал Платонову, к кому «дурно относится» только что назначенный министром народного просвещения граф П.Н. Игнатьев (21 февраля 1915 г.).

Произшедшие события часто комментируются. Известие о смерти С.Ю. Витте сопровождается не только словами о том, что это произошло «чрезвычайно неожиданно», но и его характеристикой: «Сильный человек сошел со сцены и из какой талантливой семьи: Зинаида Р. (псевдоним писательницы Е.А. Ган. – А.Ц.), Блаватская, Желиховская, ген[ерал] Фадеев» (27 февраля 1915 г.). Отметив, что «на похоронах Витте, принятых Гос[ударственным] советом на счет государства, так никто из царской семьи и не был», Н.Н. далее писала: «И от г[осуда]ря, по-видимому, вдова не получила телеграммы (было упоминание о телеграммах “от высоких особ”, но г[осуда]рь так ведь не называется), а какая телеграмма от г[осуда]ря была отцу Кассо после смерти последнего! Видно, не могут они примириться с 17-м окт[ября]».

Дневниковые записи за 1916 г. преимущественно сообщают о напряженной политической атмосфере в правящих кругах России. Лишь некоторые записи касаются академической жизни. Так, 28 марта 1916 г. Н.Н. пишет о состоявшемся диспуте Л.П. Карсавина, при этом добавляя: «Возражали Гревс (хорошо), Гримм (неважно), Добиаш-Рождественская. Диспут был хороший, хотя об самом Карсавине смутное впечатление: конечно, он очень талантливый». Попадают записи о военных новостях. Второго мая 1916 г. фиксируется «прибытие русских войск во Францию через Владивосток». Преобладают же, как уже было сказано, записи о новостях в политической жизни. Двадцать первого марта 1916 г. Н.Н. пишет о «министерской чехарде» и само это выражение приписывает В.М. Пуришкевичу. Здесь же сожаление по поводу оставления должности военного министра А.А. Поливановым, который «пользовался доверием». Записи последних дней осени и первых зимних месяцев 1916 г. полны тревожных слухов о возможном дворцовом перевороте.

Записи, сделанные Н.Н. 2 января 1917 г., начинаются с вопроса: «Вот и дождались Нового года, что-то он нам принесет – и на войне, и внутри страны?» Н.Н. хочется надеяться, что кончится скоро война, и «не бесславно для нас». Упомянув о том, что «под Ригой идут бои», что русские войска «продвигаются вперед», а в Румынии плохо и в Одессе, говорят, «паника», Н.Н. замечает: «Впрочем, приезжающие оттуда офицеры не унывают...» Видимо, с беспокойством о неожиданной отставке П.Н. Игнатьева с поста министра народного просвещения и столь же неожиданном назначении Н.Д. Голицына председателем Совета министров, приводит слова того и другого о том, что все произошло «волею монарха».

Шестого апреля 1917 г. Н.Н. записывает: «Вот и разразилась революция». Далее следуют описания событий Февральской революции, где достоверные

сведения об обстоятельствах отречения Николая II перемежаются с разными слухами. Чувствуется тревога за будущее. Тринадцатого апреля появляется в дневнике запись о том, что вдобавок ко всем бедам «еще этот ужасный Ленин и “ленинцы”»: проехали они через Германию, хотя и в запломбированном вагоне». Далее пересказываются слухи о том, что Ленин «даже... виделся с Вильгельмом и Гинденбургом». Н.Н. не знает, «кто собственно этот Ленин (настоящая его фамилия Ильин)», ей неизвестно, «почему и с каких пор он оказался эмигрантом». Видимо, и Н.Н. и С.Ф. Платоновы, скорее всего, не имели до 1917 г. четкого представления о социал-демократах, о большевиках и меньшевиках. Не слышали они и фамилию «Ульянов». Вокруг них мелькали члены конституционно-демократической партии, кадеты, в которых они видели главную оппозиционную силу. В дневнике за 1917 г. Ленин и «ленинцы» начинают появляться все чаще и чаще.

В записях за апрель и май – калейдоскоп сведений, порой противоречивых, полученных от разных лиц. Среди прочего – 11 мая, после упоминания о том, что «третьего дня по улицам Петрограда ходила группа людей с плакатом “Да здравствует царь!”», – рассказ о визите к С.Ф. Платонову А.И. Гучкова, который был «настроен очень пессимистически», говорил, что «Россия идет к гибели четырьмя путями: 1) военным, 2) финансовым, 3) разрухой в торговле и промышленности, 4) угрозой голода, который прежде всего скажется в Петрограде и других больших городах». Цель визита осталась неясной. Последняя в 1917 г. запись в дневнике Н.Н. сделана 26 декабря. Она начинается со слов: «Третий день трамваи не ходят из-за снежных заносов, расчищать, конечно, некому». После рассказа С.В. Рождественского о трудностях, возникших в Педагогическом институте, несколько абзацев об общем положении: «Суды упразднены, ни полиции, ни милиции нет, районные думы разогнаны, Учред[ительному] собранию не дают собраться. Ведутся или уже прерваны мирные переговоры, нельзя понять». Далее слухи о положении на фронте, о том, что Л.Д. Троцкий надеется на поддержку иностранных социалистов, упоминание о том, что накануне в гостях у Платоновых была Е.А. Каринская, которая «рассказала, будто бы иностранцы (кажется, американцы) говорят, что Россия сама не сознает, какую колоссальную роль она играет в истории человечества, какую услугу она ему оказывает, на организме показывая всю непригодность социализма для государственности и общественности». По поводу этого рассказа Н.Н. задает вопрос: «Но неужели такие соображения могут нас утешать?»

Социальный эксперимент, о котором толковали в доме Платоновых, затянулся на несколько десятилетий. Его первый этап, на который пришлось революционные события 1917 г. и Гражданская война 1918–1921 гг., нашел свое отражение и в дневнике Н.Н., позволяя получить более четкое представление о том, как образованная часть дореволюционной России выживала в условиях новой, Советской России.

Дневник Н.Н. Платоновой в составе архива ее мужа, С.Ф. Платонова (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5691–5701), был приобретен в 1937 г. Государственной публичной библиотекой им. М.Е. Салтыкова-Щедрина у платоновских наследников¹⁴. Хронологически дневник охватывает период с сентября 1889 по ноябрь 1921 г. Однако надо отметить, что в записях есть длительные перерывы: с августа 1896 по сентябрь 1905 г.; с октября 1905 по февраль 1914 г.; с февраля по декабрь 1914 г.; с марта 1920 по январь 1921 г. По архивным делам хронологически материал

дневника распределяется следующим образом: Д. 5691 (с сентября 1889 по октябрь 1892 г.), Д. 5692 (с октября 1892 по февраль 1896 г.), Д. 5693 (с сентября по октябрь 1905 г.), Д. 5694 (с января 1914 по июнь 1915 г.), Д. 5695 (с августа 1915 по ноябрь 1916 г.), Д. 5696 (с ноября 1916 по декабрь 1917 г.), Д. 5697 (с декабря 1917 по сентябрь 1918 г.), Д. 5698 (с сентября 1918 по февраль 1919 г.), Д. 5699 (с февраля 1919 по июнь 1919 г.), Д. 5700 (с июня по август 1919 г.), Д. 5701 (с августа 1919 по март 1920 г.), Д. 5702 (с января по ноябрь 1921 г.).

Правила передачи текста дневника, принятые в настоящем издании, в целом следуют указаниям «Правил издания исторических документов в СССР» (М., 1990). Текст передается в современной орфографии и пунктуации, включая написание имен собственных, исключения оговариваются в подстрочных примечаниях. Авторские исправления включаются в текст; общепринятые сокращения (г., т.д., т.п., пр., см. и др.) не раскрываются, все другие сокращения раскрываются; подчеркнутые слова (фразы) даются как в тексте подлинника (т.е. с подчеркиванием – в одну или две линии). Слова (фразы), вставленные над (под) строкой, вводятся в текст, после последнего вставленного слова делается ссылка (подстрочная), в тексте которой приводятся соответствующие пояснения. В подстрочных примечаниях также приводятся переводы иностранных слов (фраз) с указанием языка оригинала, указания на зачеркнутые места текста, явные описки исправляются без оговорок. Текст дневника разбит по разделам, соответствующим календарным годам (комментарии приводятся раздельно в тексте концевых ссылок).

Подготовка научного издания дневника Надежды Николаевны Платоновой (Шамониной) осуществлялась при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 10-01-00487а, руководитель проекта А.Н. Цамутали). Исследовательский коллектив осуществил комплекс работ, в числе которых были набор рукописи и подготовка дневника к печати (В.В. Андреева, А.Н. Одинокоев, Е.А. Ростовцев, П.А. Трибунский, при участии И.П. Потехиной), его научное комментирование (П.А. Трибунский – записи за 1889–1918 гг.; Т.Н. Жуковская, В.И. Мусаев – записи за 1919–1921 гг., отдельные комментарии принадлежат В.В. Андреевой, Д.А. Баринову, О.А. Любезникову, Е.А. Ростовцеву, И.В. Сидорчуку), подготовка ряда научных статей (Е.А. Ростовцев, П.А. Трибунский, А.Н. Цамутали)¹⁵, составление аннотированного указателя имен (В.В. Андреева, П.А. Трибунский, при участии Е.А. Ростовцева).

Исследовательский коллектив выражает признательность РГНФ, взявшему на себя бремя финансирования проекта, и коллегам, которые на разных этапах помогали в нашей работе, – М. Байссвенгеру, Д.А. Баринову, А.Б. Богомолу, Д.В. Боднарчуку, А.В. Вострикову, П.Н. Гордееву, Е.Н. Груздевой, М.Ю. Коробко, С.В. Куликову, С.С. Курочкину, О.А. Любезникову, А.Б. Николаеву, М.М. Перекалиной, И.П. Потехиной, Д.О. Раковскому, М.В. Рыжову, И.В. Сидорчуку, А.В. Сиренову, Д.А. Сосницкому, Д.А. Федорову. Особую благодарность выражаем новгородскому историку А.Н. Одинокоеву, оказавшему всестороннюю и самоотверженную поддержку в реализации проекта, а также правнучке С.Ф. и Н.Н. Платоновых – Т.Д. Федоровой, любезно предоставившей в распоряжение исследователей материалы семейного архива. Разумеется, мы также признательны за ценные замечания рецензентам – доктору исторических

наук Б.С. Кагановичу (СПб ИИ РАН) и доктору исторических наук М.Ф. Флоринскому (СПбГУ).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Макушин А.В., Трибунский П.А. Павел Николаевич Милоков (1859–1904): труды и дни. Рязань, 2001 (Сер. «Новейшая российская история: исследования и документы». Т. 1); *Ростовцев Е.А.* А.С. Лаппо-Данилевский и петербургская историческая школа. Рязань, 2004 (Сер. «Новейшая российская история: исследования и документы». Т. 7); Шмидт С.О. Историк С.Ф. Платонов – ученый и педагог: (К 150-летию со дня рождения). М., 2010; *Беллева О.М.* Эрвин Давидович Гримм в Петербургском университете: академическое сообщество позднимперского периода: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011; *Кривоноженко А.Ф.* Петроградский университет в 1917–1922 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014; и др.

² См.: *Ростовцев Е.А.* Дневник Н.Н. Платоновой (Шамониной) как источник по истории исторической науки // Времена и судьбы: сб. ст. в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха / Отв. ред. В.Г. Вовина-Лебедева. СПб., 2006. С. 270–318; *он же.* Обзор Дневника Н.Н. Платоновой (Шамониной) // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы / Отв. ред. А.Ю. Дворниченко, С.О. Шмидт. СПб., 2011. С. 43–87.

³ *Платонов С.Ф.* Несколько воспоминаний о студенческих годах // Дела и дни. 1921. Кн. 2. С. 104–133; *он же.* Автобиографическая записка // Академическое дело 1929–1931: Документы и материалы следственного дела, сфабрикованного ОГПУ / Отв. ред. В.П. Леонов; изд. подгот. В.П. Захаров, М.П. Лепехин, Э.А. Фомина. СПб., 1993. Вып. 1: Дело по обвинению академика С.Ф. Платонова. С. 256–288; *Богословский М.М.* Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного исторического музея / Отв. ред. С.О. Шмидт; публ. и коммент. Е.В. Неберекutiной, Т.В. Сафроновой. М., 2011; *Готье Ю.В.* Мои заметки. М., 1997; *Савин А.Н.* Университетские дела. Дневник 1908–1917 / Отв. ред. А.К. Гладков; публ., вступ. ст. А.В. Шаровой. М., 2015; *Милоков П.Н.* Воспоминания / Под ред. М.М. Карповича и Б.И. Элькина. Нью-Йорк, 1955. Т. 1–2; *Кизеветтер А.А.* На рубеже двух столетий: (Воспоминания, 1881–1914). Прага, 1929; *Кареев Н.И.* Прожитое и пережитое / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В.П. Золотарева. Л., 1990; *Мельунов С.П.* Воспоминания и дневники / Сост., примеч. и подгот. текста Ю.Н. Емельянова. М., 2003; *Гресс И.М.* За культуру: Воспоминания // Былое. 1918. № 12. С. 42–88; *Богословский М.М.* Историография, мемуаристика, эпистолярная (научное наследие) / Отв. ред. А.И. Клибанов; сост. Л.А. Черная. М., 1987; Переписка С.Б. Веселовского с отечественными историками / Сост. Л.Г. Дубинская. А.М. Дубровский. М., 2001; Академик С.Ф. Платонов. Переписка с историками: В 2 т. / Отв. ред. С.О. Шмидт М., 2003. Т. 1: Письма С.Ф. Платонова, 1883–1930 / Подгот. к печати, вступ. ст. и коммент. В.Г. Бухерта; 2011. Т. 2, ч. 1: Переписка П.Н. Милокова и С.Ф. Платонова, 1886–1901 гг. / Подгот. к печати, вступ. ст. А.В. Макушина и П.А. Трибунского; коммент. П.А. Трибунского при участии А.В. Макушина; Переписка А.С. Лаппо-Данилевского и П.Н. Милокова / Подгот. к печати, вступ. ст. и коммент. П.А. Трибунского // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2010. Vol. 3. P. 77–160; *Пресняков А.Е.* Письма к матери, 1898–1899 гг. / Вступ. ст. и коммент. Т.Н. Жуковской // Деятель русской науки XIX–XX веков / Отв. ред. И.П. Медведев; сост. Т.В. Андреева, М.Ф. Хартанович. СПб., 2001. Вып. 2. С. 304–348; Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники, 1889–1927 / Рук. проекта и отв. ред. А.Н. Цамутали; подгот. текста Т.Н. Жуковской, Д.Н. Лепин при участии А.В. Антощенко, Е.А. Ростовцева; коммент. и указ. имен сост. Т.Н. Жуковской и Б.С. Кагановичем. СПб., 2005 и др.

⁴ *Платонова Н.Н.* Кохановская (Н.С. Соханская), 1823–1884. Биографический очерк. СПб., 1909.

⁵ Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники, 1889–1927. С. 132.

⁶ Там же. С. 199.

⁷ Там же. С. 374.

⁸ Там же. С. 496.

⁹ *Вернадский Г.В.* Из воспоминаний. Годы учения. С.Ф. Платонов // НЖ. 1970. № 100. С. 215.

¹⁰ Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники, 1889–1927. С. 132.

¹¹ Там же. С. 133.

¹² *Пресняков А.Е.* Александр Сергеевич Лаппо-Данилевский. Пб., 1922. С. 28.

¹³ Александр Евгеньевич Пресняков. Письма и дневники, 1889–1927. С. 532.

¹⁴ Краткий отчет рукописного отделения за 1914–1938 гг. / Со вступ. ист. очерком, под ред. Т.К. Ухмыловой и В.Г. Геймана. Л., 1940. С. 212; Архив академика С.Ф. Платонова в отделе рукописей Российской национальной библиотеки: каталог. СПб., 1994. Вып. 1. С. 8.

¹⁵ См.: *Трибунский П.А.* С.Ф. Платонов – преемник Е.Е. Замысловского на кафедре русской истории имп. Санкт-Петербургского университета // Памяти академика Сергея Федоровича Платонова: исследования и материалы. С. 26–42; *Цамутали А.Н.* С.Ф. Платонов и русская историография XX – начала XXI вв. // Там же. С. 239–243; *Ростовцев Е.А.* Надежда Николаевна Платонова (Шамонина): между семьей и наукой // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2013. Сер. 2. Вып. 4. С. 44–54.

Е.А. Ростовец

Надежда Николаевна Платонова (Шамонина): очерк жизни и научной деятельности*

Надежда Николаевна происходила из среды южнорусского помещичьего дворянства. Согласно метрическому свидетельству, она родилась 25 декабря 1861 г., родители – отставной капитан Николай Иванович Шамонин и его законная жена Надежда Дмитриевна, таинство крещения проходило в Николаевской церкви города Купьянск Харьковской губернии¹, записаны же Шамонины были, как следует из переписки, в тамбовское дворянство. В пореформенное время семья, вероятно, уже не сохранила состояния: большинство Шамониных зарабатывали на жизнь адвокатским или учительским трудом, хотя, судя по переписке Шамониных и «Дневнику» Н.Н., представления о стандартах организации жизни и быта вплоть до катастрофы 1917 г. оставались вполне дворянскими. С начала 70-х гг. XIX в. семья Шамониных обосновалась в Москве. В 1873–1881 гг. Н.Н. Платонова училась в московской классической гимназии С.Н. Фишер. Занималась Н.Н. большую часть гимназического курса отлично – последняя «четверка» (по немецкому языку) была получена ею во втором классе². Лаконичные записи в табелях за последующие годы однотипны: «первая ученица», «награда 1-й степени», «занесена на золотую доску»³. В 1879 г., по окончании VI класса гимназии, Н.Н. Шамонина получает свидетельство на звание домашней наставницы, в 1880-м заканчивает с отличием гимназию⁴. В 1881 г. Н.Н. поступила на историко-филологическое отделение Высших женских курсов. Интересно, что основной сферой ее штудий стало занятие по тем временам почти исключительно «мужское» – классическая философия. В 1885 г. Н.Н. представила диссертацию на тему «Этические взгляды Аристотеля в его Этике и Риторике» – научным руководителем работы выступил профессор М.И. Каринский. Свидетельство об окончании курсов Н.Н. Платонова получила уже после свадьбы с С.Ф. Платоновым (3 июля 1885 г.) – оно датировано 27 января 1886 г. Из свидетельства следует, что по всем предметам Н.Н. показала отличные успехи (за исключением истории искусств, где они были только «хорошие»)⁵.

* Благодарю за помощь в подготовке настоящего очерка П.А. Трибунского. Настоящий очерк является расширенным вариантом журнальной публикации автора (*Ростовец Е.А. Надежда Николаевна Платонова (Шамонина): между семьей и наукой // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2013. Сер. 2. Вып. 4. С. 44–54*).

С будущим мужем Н.Н. познакомилась в аудитории Бестужевских курсов. В архиве С.Ф. Платонова сохранился текст ее студенческой работы «Содержание 8-й главы Уложения царя Алексея Михайловича и статей с пометой “вновь”, научные мнения о происхождении этих статей» с пометкой будущего мужа: «1884. Первый Надин реферат»⁶. Действительно, этот первый реферат, с работы над которым, скорее всего, и началось знакомство С.Ф. и Н.Н., по всей видимости, положил начало и научно-литературной деятельности Надежды Николаевны. Однако реконструировать ход ее творческой и профессиональной деятельности непросто, хотя бы потому, что, по понятным причинам, она всегда проходила «в тени» научной и общественной деятельности мужа. Так, Надежда Николаевна долгое время записывала себя даже в официальных документах как «жена профессора»⁷. Только в июле 1921 г. она получает трудовую книжку, оформляясь на должность научного сотрудника Пушкинского Дома Академии наук⁸ – к этому времени, вероятно, и относится ее краткая биография, написанная С.Ф. Платоновым, включавшая и очень примерный список ее работ. Можно предположить, что служебная занятость Н.Н. в работе учреждения, возглавлявшегося мужем, носила формальный характер. Фактическое отсутствие служебных документов (отчетов, списков трудов и т. п.) в определенной степени затрудняет реконструкцию научного пути Н.Н. В упомянутой биографии и списке ее печатных работ, составленном С.Ф. Платоновым, вероятно, в начале 1920-х гг., не много наименований – это статьи в «Журнале Министерства народного просвещения», одна монография и переводы двух философов (Аристотеля и В. Виндельбанда), а также оставшийся в рукописи перевод с новогреческого повести Д. Викеласа «Луки Ларас»⁹. В список не было включено «несколько рецензий на книги научного содержания»¹⁰, некоторые из которых нам удалось установить¹¹. Таким образом, Н.Н. Платонова оставила сравнительно небольшое научно-литературное наследство. Однако за каждой ее публикацией – труд настоящего ученого.

Обращение Н.Н. к философским вопросам в начале ее творческого пути, вероятно, обусловлено увлечением античной философией, с которой были связаны ее занятия на Бестужевских курсах. Однако результатами этой работы, появившимися в печати, стали все же не исследования, а переводы философских сочинений. Первая публикация Н.Н. вышла в редактируемом В.Г. Васильевским и С.Ф. Платоновым журнале, о чем сохранилась запись в дневнике Надежды Николаевны: «Вчера вышла янв[арская] книжка Журн[ала] Мин[истерства народного просвещения], в к[ото]рой напечатан мой перевод 1-й половины II кн[иги] Риторики» (3 января 1893 г.)¹². Другая, помимо античной, область философии, которая привлекала Н.Н. еще на курсах, – это И. Кант и неокантианство – идейно-философская доктрина, оказавшая фундаментальное воздействие на умы европейских, в том числе российских, интеллектуалов рубежа XIX–XX вв. Этим общим движением в середине 1890-х гг. оказалась захвачена и Н.Н. Согласно упомянутой выше ее биографии, «по приглашению профессора А.И. Введенского», коллеги С.Ф. по университету и ее бывшего наставника по курсам, она совместно с другими бывшими бестужевками (Е.И. Максимовой и В.М. Невежиной) переводит под редакцией профессора труд В. Виндельбанда «История новой философии в ее связи с общей культурой и политикой» (с немецкого издания 1899 г.). Выход

перевода затянулся из-за смерти Е.И. Максимовой (первый том увидел свет в 1902 г., второй – в 1905 г.)¹³. Как можно понять из предисловия А.И. Введенского ко второму тому, Н.Н. Платоновой принадлежит, главным образом, перевод второй части сочинения В. Виндельбанда «Философия Канта»¹⁴ (т.е., по существу, речь идет о переиздании выполненного под редакцией того же А.И. Введенского отдельного издания 1895 г.¹⁵), что, возможно, находилось в тесной связи с тематикой ее предполагаемых будущих научных занятий (после окончания курсов). В то же время сфера отвлеченной философской мысли вряд ли являлась тем полем, которое могло увлечь Н.Н. Платонову глубоко.

В 1890-е гг. Н.Н. ищет новую, помимо философии, сферу для приложения своих литературных сил. Несомненная образованность, знание языков и широта кругозора позволяли ей обращаться к разным темам. Так, в 1899 г. в «Журнале Министерства народного просвещения» выходит обширная статья Н.Н. Платоновой, посвященная критическому обзору последней литературы по истории европейских университетов. В ходе изложения автор, помимо новейших изданий, заявленных в числе рецензируемых, привлекает и ряд других, по существу, превращая свой реферат в самостоятельный и не лишенный собственной научной ценности очерк, посвященный генезису университетской традиции в Западной Европе¹⁶.

Однако с середины 1890-х гг. и до конца жизни главной сферой приложения интеллектуальных сил Н.Н. Платоновой стала русская общественная мысль XIX в. Судя по публикациям и сохранившимся архивным материалам¹⁷, в центре изысканий Н.Н. Платоновой находятся биографии ряда общественных и литературных деятелей эпохи – Я.К. Грота, П.А. Плетнева, М.П. Погодина, С.И. Тургенева и др.

Самой крупной работой Н.Н. Платоновой в этом ряду стал ее труд «Кохановская (Н.С. Соханская). 1823–1884. Биографический очерк»¹⁸. Идея работы над этой темой относится, судя по «Дневнику» (см. запись от 22 октября 1894 г.), еще к первой половине 1890-х гг., когда Н.Н. по предложению Н.Д. Чечулина задумала написать биографию Кохановской для «Русского биографического словаря»¹⁹. Выход в свет в 1896 г. «Автобиографии» Кохановской²⁰, вероятно, подтолкнул Н.Н. к написанию этого труда. Сочинение Н.Н. Платоновой распадается на 14 глав, изложение строится по четкому хронологическому принципу. Однако Н.Н. Платонова не просто воссоздает биографическую канву и историю творчества Надежды Степановны Соханской-Кохановской – каждый излагаемый ею факт дается в контексте идей и событий эпохи, о которой идет речь. Так, говоря о предках Кохановской, переселившихся в Россию в XVII в., Н.Н. Платонова дает краткий очерк жизни восточной Малороссии и в этой связи – истории того рода, к которому принадлежала ее героиня, яркими красками рисует институтский быт (Харьковского института благородных девиц) и ход превращения маленькой испуганной необразованной девочки, ребенка, которому не давались иностранные языки, в «первую ученицу», гордость института, юную поэтессу. Нарратив, выстраиваемый Н.Н. Платоновой на материале автобиографии Кохановской и ее переписки с П.А. Плетневым, носит почти диккенсовский характер. Логике автобиографии героини подчиняется и последующее изложение: рассказ о превращении провинциальной небогатой барышни во всероссийскую знаменитость. Текст Н.Н. Платоновой читается легко, язык насыщен художественными образами

как самого автора, так и ее героини. Однако нельзя сказать, что Н.Н. Платонова во всем следует автобиографии Кохановской: нарратив писательницы постоянно подвергается критическому анализу и замечаниям, прежде всего с точки зрения их фактической точности, присутствия в них внутренних противоречий или противоречий с показаниями других источников. Социальный и автобиографический контекст книги Платоновой очевиден – во-первых, речь идет о судьбе древнего обедневшего русского дворянского рода; во-вторых, речь идет о женщине, занявшейся, вопреки традиции, литературным трудом; наконец, о женщине, лучшим произведением которой стала, с точки зрения ее биографа, автобиография²¹. Надежда Степановна так и не вышла замуж – но нашла свое призвание в том, что Н.Н., воспитавшей шестерых детей, должно было быть близко: художественная и нравоучительная литература для детей. Характер ее героини, по словам Н.Н., «в высшей степени обидчивый и резкий»²² – вряд ли сама Н.Н. считала эти качества своим личным свойством, но подсознательную тягу к «родственной душе» исключить нельзя. Можно предположить, что работа эта сама по себе во многом носит биографический характер и связана с судьбой как собственно Н.Н., так и ее матери Надежды Дмитриевны Шамониной (урожд. Башкирцевой).

Много лет Н.Н. уделила работе над подготовкой научной биографии Сергея Ивановича Тургенева, над изданием его дневников, хранившихся в архиве Академии наук²³. Увы, проект остался нереализованным.

Однако самым главным произведением Н.Н. стал ее собственный дневник. Н.Н. Платонова начала писать в знаменательный сентябрьский день 1889 г.: «Сегодня день рождения Верочки и годовщина Сережиного диспута» (11 сентября 1889 г.). Но эти записи длились недолго – почти через год Н.Н. ставит себе цель: «Начинаю писать с твердым намерением писать постоянно, не бросать дневника, как я это сделала в прошлом году» (22 августа 1890 г.).

«Дневник» стал в определенной степени гражданской обязанностью Н.Н. И хотя «Дневник» Н.Н. был связан прежде всего с профессиональной деятельностью мужа и событиями общественной жизни, в какой-то степени он был для автора и инструментом самоанализа, самооценки – особенно заметно это в тетрадях 1890-х гг.²⁴ Например, характерная запись апреля 1892 г.: «Последнее время я замечаю в себе какую-то раздражительность, и это мне очень неприятно» (25 апреля 1892 г.), или: «... ужасно боюсь сделаться раздражительной и вспыльчивой: с детьми это так легко может быть, но какое бы это горе было для меня!» (3 июня 1892 г.). Другая очевидная функция «Дневника» в жизни Н.Н. – удовлетворение нереализованной потребности автора в литературной деятельности и художественном описании «ученого быта». В этом смысле интересно признание, которое мы находим в первой тетради «Дневника». После пересказа очередной внутринаучной интриги Н.Н. восклицает: «... я иногда думаю, не изобразить ли мне в каком-нибудь литературном произведении эту закулисную сторону ученого и профессорского мира» (2 июля 1892 г.).

Н.Н. Шамонина, став Платоновой, вошла в семью, которая в социальном плане имела как сходные, так и отличные от шамонинских черты. Сходным было «московское» происхождение Платоновых, и в этом смысле – их быт и уклад.

В то же время между Шамониными и Платоновыми были и существенные различия, которые заключались в том, что семья мужа происходила из

непривилегированного сословия. Хотя к тому моменту, когда Н.Н. познакомилась с молодым историком и оказалась в его семье, его отец Федор Платонович Платонов (1822–1881) уже скончался, стоит отметить, что это был человек по своим качествам выдающийся, выбившийся из самых низов общества – небогатой мещанской семьей²⁵, сделавший, однако, блестящую карьеру в сфере казенного печатного дела, – к 1863 г. Ф.П. выслужил личное почетное гражданство²⁶, а к 1878 – потомственное дворянство (внесен в III часть дворянской родословной книги)²⁷. В июле 1857 г. был заключен брак между заведующим Черниговской губернской типографией Ф.П. Платоновым и мещанкой Бронной слободы девицей Клеопатрой Хрисанфовой²⁸. Клеопатра Александровна, вероятно, происходила из более зажиточной московской семьи; правда, из многочисленных детей выжило, помимо нее, только трое – Николай, Татьяна, Серафима²⁹. Брак Ф.П. Платонова с Клеопатрой Александровной длился почти четверть века, до смерти Федора Платоновича. Для того времени это был необычный брак, давший только одного ребенка – сына Сергея, родившегося 16 июня 1860 г., – будущего известного историка. В 1869 г. семья Платоновых переезжает из Чернигова в Санкт-Петербург, где с середины 1870-х гг. Ф.П. управляет типографией Министерства внутренних дел³⁰. Социальный взлет мужа имел для Клеопатры Александровны и своеобразные негативные последствия: ее отец А.Г. Хрисанфов считал, что она его, как «плебей», «знать не хочет»³¹, а столбовые дворяне Шамонины, вероятно, старались навещать Платоновых с таким расчетом, чтобы не застать Клеопатру Александровну (например, см. запись «Дневника» от 28 октября 1890 г.). Это неудивительно – к слишком разным срезам русского общества они принадлежали, достаточно сравнить стилистику переписки в семье Платоновых и Шамониных. Например, будущий великий историк обращался в юности к отцу на «Вы», именую Федора Платоновича «папашей», а Клеопатра Александровна обращалась к мужу по имени-отчеству – и то и другое в среде Шамониных было трудно представить³². В этой связи любопытно, что Н.Н., живя в доме Клеопатры Александровны, в «Дневнике» (но, разумеется, не в переписке) с годами постепенно усвоила манеру называть мужа по имени-отчеству – это обстоятельство, в свою очередь, укрепляет нас в предположении о том, что «Дневник» писался в расчете на потенциального слушателя³³ и мог читаться Н.Н. в семье.

Карьерное и профессиональное упорство отца не могло не воздействовать на мировоззрение сына, который начинал свой жизненный путь, находясь на более высокой ступеньке социальной лестницы: магистерский диплом и приват-доцента позволили С.Ф. начать служебную карьеру с чина коллежского ассессора (в котором он был утверждён в октябре 1888 г.)³⁴, т.е. с той самой ступени, до которой к концу жизни путем упорного труда смог дойти Федор Платонович. Работоспособность и карьерная целеустремленность помогали С.Ф. Платонову обеспечить Н.Н. тот быт, к которому она привыкла с детства и который считала естественным. В числе элементов этого быта – просторная квартира, прислуга, дача. Характерная запись в «Дневнике» начала 1890-х гг.: «... я ездила с С.Ф., Сережей и Катериной в [Петер]бург смотреть квартиру, к[ото]рую мы и наняли; она очень хороша: комнаты высокие и светлые, но цена ее – 1386 рублей – совсем меня ужасает. Впрочем, мы и не можем найти более дешевой квартиры: четверо детей, я с С.Ф., Кл[еопатра] Ал[ександровна]

и няня, четыре прислуги – разместить с удобством такую семью нелегко» (25 июня 1892 г.). Когда Платоновы в 1892 г. принимают у себя французского профессора Эмиля Омана с женой, последняя, по словам Н.Н., удивляется. «узнав, что у меня четыре прислуги, и сказала, что во Франции это бывает очень редко; у ее матери было 6 человек детей и никогда не было больше двух служанок» (27 августа 1892 г.). Реагируя на разговоры о том, что С.Ф. погряз в семейной жизни и устройстве быта, Н.Н. замечает: «... разве может кто-нибудь сказать, что С.Ф. много берет на себя занятий из корыстолюбия, что мы живем роскошно? Все наши *pia desideria* (благие пожелания (*лат.*) – *E.P.*) сводятся к тому, чтобы сводить концы с концами, не дрожа над каждой копейкой, чтобы С.Ф. имел возможность постепенно пополнять свою библиотеку и чтобы мы могли позволить себе иногда, раза 4–5 в зиму, побывать в театре. Неужели же эти желания незаконны? Неужели за них мы заслуживаем осуждения? Может быть, лично я кажусь тому кружку женщиной, погрязшей в будничных интересах и не имеющей никаких общественных идеалов, потому что я не преподаю в школе, как это делает жена Гревса, к[ото]рая по идее не может жить без уроков? Но у нее один ребенок, а у меня их трое, а скоро будет и четверо» (2 ноября 1891 г.). Другой пассаж Н.Н.: «Положительно, это мой *point d'honneur* (дело чести (*фр.*) – *E.P.*) – стремиться к тому, чтобы никто не мог сказать, что С.Ф-ча угнетает семья» (14 мая 1891 г.). Вероятно, в тесной связи с этой находится и еще одна характерная черта Н.Н., особенно проявляющаяся на страницах первых тетрадей «Дневника», – это подозрительность, доходящая порой до болезненности в том, что касается возможных происков или хулы на С.Ф. Характерная заметка в «Дневнике» о П.Н. Милюкове: «М[илюко]в так много говорит о своих дружеских чувствах к С.Ф-чу, что ему уж очень хочется получить докторство? Может быть, в сущности он, как и многие москвичи либерального лагеря, остался недоволен речами С.Ф-ча за его обедом? Может быть, он, написав такое дружеское письмо С.Ф-чу, в тот же день не затруднился в каком-нибудь кружке обругать С.Ф-ча, назвать его восьмидесятником? Господи, если бы можно было знать это!» (30 мая 1892 г.). Карьера мужа также занимает одно из основных мест в жизни Н.Н. В полушутливом тоне она замечает в сентябре 1890 г.: «Л[юдмила] Ф[едоровна] (друг семьи Платоновых. Л.Ф. Розинг. – *E.P.*) твердит мне, что я теперь должна хорошо одеваться, так как я жена профессора» (6 сентября 1890 г.). Н.Н. – верный помощник мужа в научных занятиях, по крайней мере, в начале карьеры. Характерная запись «Дневника» начала 1890-х гг.: «... все свободное время у меня уходит на переписывание указателя к изданию С.Ф.» (15 ноября 1891 г.).

Насколько естественна и важна для быта Платоновых была прислуга, показывает хотя бы то, что Н.Н. даже в той сфере, которую считает для себя приоритетной (воспитание детей), не может без нее обойтись: «Завтра уже месяц, как мы вернулись с дачи, и что же я делала весь этот месяц? Ровно ничего, только возилась с детьми. Когда я это соображаю, на меня просто тоска находит, но я стараюсь не поддаваться такому настроению, так как приписываю его отчасти утомлению: третьего дня наша Устинья, к[ото]рой муж не выслал из деревни паспорта, уехала в деревню, рассчитывая получить паспорт и вернуться обратно; пока у меня за кухарку Маша, так что мне

приходится много возиться с детьми; я утомляюсь, и от этого, как всегда, является пессимистическое настроение» (2 октября 1892 г.). В то же время отношение к прислуге для Н.Н. укладывается в рамки дворянско-интеллигентского дискурса. В этом смысле Н.Н. демократична, о ее небезразличности к чувствам и жизни тех, кто живет в ее доме, свидетельствуют многочисленные сюжеты «Дневника», в которых фигурируют слуги: «Вчера и сегодня у меня неприятная история с Полей, Надиной няней: прислуга уличила ее в воровстве, и я ее отправляю. А тут еще сегодня день ее именин, я этого не знала; вообще все это очень неприятно» (8 октября 1890 г.); «Никак мне не удастся начать занятия с Надиной няней Таней, которой очень хочется выучиться читать. Но я должна ее выучить или я совсем приду в уныние» (29 января 1891 г.); «Я хотела было пойти к Ламанским, но не пошла из-за глупой истории с прачкой, к[ото]рая меня очень расстроила. Больше всего меня расстраивает мысль, что я вышла из себя, была, может быть, несправедлива, и это при Ниночке, к[ото]рая уже многое понимает. Господи, как это трудно жить, т.е. всегда в жизни поступать справедливо; право, гораздо легче переводить Аристотеля, чем держаться, как следует, во всех этих столкновениях и историях с прислужой. И как унижаешь себя перед собой и другими в такие минуты!» (3 января 1893 г.).

«Народ» – объект постоянного сочувствия автора «Дневника», но до той минуты, разумеется, пока народ не начинает вселяться в квартиры людей ее круга в 1918–1920 гг. С этого момента сцены из народной жизни в изложении начинают напоминать зарисовки классиков русской литературы (И. Бунина, М. Горького, М. Булгакова и др.) – горькие и ироничные. Приведем лишь два характерных отрывка: «Квартира № 14 против нас по парадной лестнице занята матросами-авиаторами (из авиац[ионной] школы имени Троцкого), к[а]к пустая <...> На нашу беду, в ней есть бильярд, пианола и граммофон. Что там происходит! Играют и пируют круглые сутки. Большинство матросов (если не все) – полуинтеллигенты. Недавно они заявили управляющему, что квартира слишком мало убрана и что он должен из других пустых квартир перевесить к ним картины! Электричество там горит круглые сутки – это, когда населению рекомендовано особенно экономно расходовать его. И за них придется платить нам, остальным обитателям дома, п[отому] ч[то] они, конечно, не заплатят ничего. Лифтом они пользуются не только для подъема, но и для спуска – вероятно, он скоро перестанет работать» (21 декабря 1918 г. / 3 января 1919 г.) и через год: «к[а]к изменилась к худшему вся обстановка нашей жизни: парадные входы закрыты, швейцаров нет, лифты испорчены или выключены, звонки не действуют; трамваи ходят только до 6 час[ов] вечера в будни, в праздники совсем не ходят; видятся с далеко живущими родными или знакомыми невозможно, т[ак] к[ак] извозчиков почти нет, да и цены их доступны разве только “товарищам”. Наша парадная лестница до невозможности загажена латышами, к[ото]рые занимают 4 квартиры и чувствуют себя хозяевами положения; занятые ими квартиры в ужасном виде, полы испорчены, дорогие зеркальные стекла в окнах и дверях разбиты. Дети грязны, дерзки и распушены; когда в квартиру Бутлеровых шел на панихиду священник, они кричали вслед: “Черт идет”. <...> Детей этих воспитывают, как каких-то язычников; на уроках хорового пения они поют исключительно революционные песни» (7/20 августа 1919 г.).

Перерыв в записях «Дневника» после 1896 г. кажется не случайным – с одной стороны, вторая половина 1890-х – 1900-е гг. – наиболее занятые в семейной жизни Платоновой. Выбирая между наукой и семьей, Н.Н. сознательно в качестве приоритета определяет для себя последнее. В тридцатилетнем возрасте она рассуждает об этом следующим образом в разговоре с юными курсистками – ученицами С.Ф. Платонова: «Что, по-моему, лучше – наука или жизнь. Я так живо вспомнила, как я, приехав на курсы, мучительно раздумывала об этом, как сильно подействовало на меня учение Канта о примате воли, как я, к концу курса, окончательно решила, по примеру Фауста, что только практическая деятельность может меня удовлетворить, и вышла замуж, вместо того чтобы предаться научным занятиям. Жалею ли я теперь об этом? Нет, нисколько: слишком много на земле горя, чтобы можно было уйти в кабинетную науку и не обращать внимания на окружающее. От моих научных занятий человечество не стало бы счастливее, а если я выращу и воспитаю хорошо своих детей, сделаю из них честных, нормальных людей, если я создам правильную семью, то этим я все-таки окажу не[к]ото[р]ую услугу если не всему человечеству, то хоть своему отечеству» (12 ноября 1892 г.).

Воспитание детей – одна из важнейших сфер жизни Н.Н. Двадцать шестого мая 1886 г. у Платоновых родилась первая дочь, Нина, 11 сентября 1888 г. – Вера, 18 июня 1890 г. – Надежда, 1 июля 1894 г. – Наталья, 23 июля 1897 г. – Мария, 14 августа 1899 г. – Михаил³⁵ (несколько детей умерли в младенчестве). Окончив гимназию Таганцевой, дочери поступили на Бестужевские курсы – Наталья училась в 1912–1918 гг.³⁶, Мария – в 1916–1922 гг. (т.е. заканчивала уже университет)³⁷. Дети в учебе равнялись на родителей, о чем свидетельствуют сохранившиеся документы об их успеваемости³⁸. Трое дочерей – Вера, Надежда и Нина – в марте 1909 г., по ходатайству отца, на основании представленных документов получили звание домашних учительниц. Для Платоновых их дворянский социальный статус был важен: в разгар революционного кризиса – в апреле 1905 г. – по прошению действительного статского советника С.Ф. Платонова его дети Нина, Вера, Надежда, Наталья, Мария и Михаил были признаны в потомственном дворянстве³⁹.

Между тем старшее поколение покидало жизненную сцену. В 1887 г. скончался Николай Иванович Шамонин – отец Н.Н. С начала 1900-х гг. резко ухудшилось самочувствие матери С.Ф. – Клеопатры Александровны⁴⁰, и в марте 1902 г. она умерла в возрасте 64 лет от порока сердца⁴¹. Несмотря на то, что с конца 1860-х гг. Платоновы жили в Санкт-Петербурге, а до этого много лет провели в Чернигове, местом упокоения обоих супругов стала родная Москва⁴². Надежда Дмитриевна Шамонина скончалась там же в 1908 г. Младшее поколение Платоновых сохраняло долгие годы прочную память о своих предках, что нашло отражение в длинных списках сродников, перечисленных в поминальных книжках⁴³.

Поскольку родня Платоновых и Хрисанфовых была сравнительно многочисленной, а Платоновы за два поколения высоко поднялись по социальной лестнице в сравнении со своими предками, клан Шамониных в определенном смысле включил в себя семейство Платоновых. Более 40 лет многочисленная шамонинская родня – основной круг родственного общения

Платоновых. Платоновская квартира становится своеобразным шамонинским форпостом в Санкт-Петербурге, а Н.Н. – со временем одной из основных фигур в «большой» шамонинской семье. Дом Платоновых всегда был открыт для москвичей, но особую роль он играл в жизни Шамониных, обосновавшихся в столице. В 1890-е гг. частым гостем была сестра Софья, работавшая в Покровской женской гимназии⁴⁴. В 1900-е гг. тесные отношения складываются с двумя племянниками – детьми брата Николая Николаевича (который обосновался с семьей в Костроме, а затем в Рязани) – Николаем и Борисом, учащимися Морского кадетского корпуса. Опека над Николаем (который, кстати, был не родным, а приемным сыном Н.Н. Шамонина) заканчивается его браком с дочерью Платоновых – Верой. Борис – также один из объектов заботы Платоновых: например, в 1911 г. Е.Л. Шамонина обращается именно к Н.Н. с просьбой взять его на попечение из Морского кадетского корпуса, что, вероятно, и произошло⁴⁵. Другой объект постоянной заботы Н.Н. – сыновья ее рано умершего брата Владимира, Юрий и Владимир – воспитанники Морского кадетского корпуса в 1910-е гг. Платоновы помогали племянникам чем могли: деньгами, книгами, заступничеством перед начальством⁴⁶, равно как и их сестре Катерине, пристроенной на Бестужевские курсы. Вообще, судя по переписке Софьи Николаевны с Н.Н., Платоновы постоянно выступали в роли опекунов этой (нижегородской) ветви семьи Шамониных⁴⁷.

В Москве одной из главных фигур клана Шамониных в 1900–1910-е гг. также становится женщина, младшая сестра Н.Н., Зинаида. Ее образ жизни в определенном смысле являлся противоположностью организации быта Н.Н. Зинаида Николаевна так и не вышла замуж: ее основной страстью была школа. З.Н. стала организатором мужской гимназии Шамониной, расположенной на Новинском бульваре в Москве. Судя по обширной переписке, сестры с нежностью относились друг к другу. Во время своих поездок в Москву Платоновы неизменно навещали Зинаиду, а С.Ф. Платонов выступал с лекциями в ее гимназии⁴⁸. Непосещение дома Зинаиды, как фиксирует в своем «Дневнике» Н.Н., могло вызвать обиду (см. запись от 9 июня 1892 г.). В то же время З.Н. явно претендовала и на то, чтобы принимать решения за других членов фамилии (об установке памятника на могиле родителей, о поступлении в учебные заведения, о приглашениях на свадьбу)⁴⁹. После революции З.Н. утратила свое прежнее положение и переехала в Петроград, устроившись (по-видимому, с помощью С.Ф. Платонова) в музей Н.П. Лихачева. Однако и здесь З.Н. решительно отстаивала свою независимость: свидетельством тому конфликт, на который она решилась пойти с племянницей – Ниной Сергеевной Платоновой – и самим всесильным академиком, отказавшись удовлетворять ее просьбы о внеурочных занятиях в музее Лихачева⁵⁰.

Записи «Дневника» сокращаются постепенно в 1920–1921 гг. – вероятно, по мере осознания Н.Н. того, что возврата к прежней нормальной жизни не будет, или, вернее – по мере приспособления к условиям новой жизни⁵¹. В новой жизни еще будут счастливые моменты: рождение внуков, поездка в Париж, а может быть, и гордость за новый карьерный взлет С.Ф. в 1920-е. Но старая жизнь – с прежним университетским укладом, профессорскими приемами – завершилась. Не было больше и прежней платоновско-шамонинской семьи – Надежда

Краевич с мужем и внуками эмигрировали во Францию, опекаемые племянники Борис и Юрий Шамонины также оказались за границей – первый перебрался в Берлин, а второй – в Детройт, бывшая бестужевка Катерина оказалась секретарем волостного комитета в Нижегородской губернии, племянник Андрей сгинул без вести в Гражданскую войну⁵². Но дети Н.Н. – Нина, Вера, Мария и Михаил – оставались с матерью до последних дней.

Надежда Николаевна скончалась 13 июня 1928 г.⁵³ Вскоре Н.С. Платонова написала письмо своей сестре, в котором описала последние дни Н.Н.: «В сущности, мамочка медленно и долго умирала – слабела на глазах у нас, и мы все понимали, но боялись сознаться себе, что понимаем. Никогда не забуду я ночи, которые мы с Верочкой и Марусей по очереди проводили с мамочкой. Как они были для нас тяжелы! И теперь мне стыдно вспомнить, что все-таки мы засыпали, – просыпались от каждого мамочкиного движения и снова засыпали, а мамочка, видя, что мы просыпаемся, махала рукой и говорила: “спи, спи...”. Последний день был очень труден; доктора говорят, что он был труден больше для нас, потому что мамочка была без сознания и не страдала. Но мы сидели вокруг постели, давали кислород, Наташа от времени до времени впрыскивала морфий. Окно было настежь открыто, чтоб было больше свежего воздуха; день был солнечный и теплый, и на улице слышались голоса прохожих, шум трамвая, даже пение птиц в саду против нашего дома, и комната была вся залита солнцем. Мамочка скончалась в то время, когда цвела сирень и ландыши, и лежала, вся покрытая ими. Глядя на нее, я вспоминала, как она говорила, что сирень всегда напоминает ей гимназическое время и экзамены, которые тогда совпадали со временем цветения сирени. Мне кажется, что все это было давно»⁵⁴.

В первой тетради «Дневника» Н.Н., в записи, сделанной в марте 1890 г., находим и такие слова: «Эта болезнь Кл[еопатры] Ал[ександровны] наводит меня на такие безотрадные размышления: как близка смерть от каждого из нас, и как не хотелось бы умереть, пока дети так малы. И потом – до какой степени ничтожной представляется вся наша жизнь и деятельность. Какой же смысл во всем этом? Люди рождаются и умирают, поколение сменяет поколение – какую же роль играет в этом отдельная личность?» (14 марта 1891 г.). Убедительным ответом на это обыденное философствование может быть только сама жизнь, которую с честью и достоинством прожила Н.Н., а также память, которую ей удалось сохранить и передать будущим поколениям.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ [Свидетельство о рождении и крещении Н.Н. Шамониной] // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5669. Л. 1.

² Сведения об успехах ученицы женской классической гимназии II класса Шамониной Надежды // Там же. Д. 5676. Л. 1.

³ [Сведения об успехах Н.Н. Шамониной в женской классической гимназии] // Там же. Л. 2–13.

⁴ Свидетельство [попечителя Московского учебного округа] // Там же. Д. 5678. Л. 2; Аттестат ученицы VI класса Н.Н. Шамониной // Там же. Д. 5677. Л. 1.

⁵ [Диплом об окончании Высших женских курсов Н.Н. Платоновой (урожденной Шамониной)] // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5681. Л. 1.

⁶ См.: Реферат слушательницы III к. словесного отделения Н. Шамониной // Там же. Д. 5690. Л. 1.

⁷ См.: Удостоверение личности Платоновой Надежды Николаевны // Там же. Д. 5673. Л. 3.

⁸ Трудовая книжка Платоновой Надежды Николаевны // Там же. Д. 5675. Л. 5 об.–6.

⁹ Платонов С. Ф. Н.Н. Платонова. Биография // Там же. Д. 5690. Л. 4.

¹⁰ Там же.

¹¹ Платонова Н.Н. [Рец. на]: Соханская Н.С. Автобиография Н.С. Соханской (Кохановской) / Со вступ. ст. и под ред. С.И. Пономарева. М., 1896 // ЖМНП. 1897. № 7. С. 176–180 отд. паг.; она же. [Рец. на]: Переписка

Я.К. Грота с П.А. Плетневым / С прил. портр. Грота и Плетнева; под ред. [и с предисл.] К.Я. Грота. СПб., 1896. Т. 1–3 // Там же. № 9. С. 123–139 отд. паг.; *она же*. [Рец. на]: Сперанский Н. Очерки по истории народной школы Западной Европы. Возникновение народной школы. Строй западноевропейского образования в средние века / С прил. автобиограф. Ф. Платтера. М., 1896 // Там же. 1898. № 2. С. 319–324 отд. паг.; *она же*. [Рец. на]: Denifle H. Die Entstehung der Universitäten des Mittelalters bis 1400. Berlin, 1885 (Die Universitäten des Mittelalters bis 1400, bd. I); Kaufmann G. Die Geschichte der deutschen Universitäten. Stuttgart, 1888. Bd. 1: Vorgeschichte; 1896. Bd. 2: Entstehung und Entwicklung der deutschen Universitäten bis zum Ausgang des Mittelalters; Rashdall H. The Universities of Europe in the Middle Ages. Oxford, 1895. Vol. 1–2; Суворов Н.С. Средневековые университеты. М., 1898 // Там же. 1899. № 4. С. 430–455 отд. паг

¹² *Аристотель*. Риторика / Пер. Н.Н. Платоновой // ЖМНП. 1893. № 1. С. 10–48 отд. паг

¹³ *Виндельбанд В.* История новой философии в ее связи с общей культурой и отдельными науками / Пер. со 2-го нем. изд. Е.И. Максимовой, В.М. Неужиной и Н.Н. Платоновой; под ред. [и с предисл.] А.И. Введенского. СПб., 1902. Т. 1: От Возрождения до Канта; 1905. Т. 2: От Канта к Ницше.

¹⁴ *Введенский А.И.* Предисловие редактора // Виндельбанд В. История новой философии... Т. 2. С. I отд. паг

¹⁵ *Виндельбанд В.* Философия Канта: (Из истории новой философии) / Пер. с нем. Н.Н. Платоновой; [предисл. А.И. Введенского]. СПб., 1895.

¹⁶ См. прим. 11.

¹⁷ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5703–5720 (работы Н.Н. Платоновой); Д. 5721–5739 (материалы к работам Н.Н. Платоновой).

¹⁸ *Платонова Н.Н.* Кохановская (Н.С. Соханская). 1823–1884. Биографический очерк (с портретом). СПб., 1909.

¹⁹ *Платонова Н.Н.* Соханская (Кохановская – литературный псевдоним, Надежда Степановна // Русский биографический словарь / Изд. под наблюдением А.А. Половцова. СПб., 1909. [Т. 19]: Смеловский – Суворина. С. 168–171.

²⁰ *Соханская Н.С.* Автобиография Н.С. Соханской (Кохановской) / Со вступ. ст. и под ред. С.И. Пономарева. М., 1896.

²¹ *Платонова Н.Н.* Кохановская (Н.С. Соханская). С. 57.

²² Там же. С. 65.

²³ *Платонов С.Ф.* Н.Н. Платонова. Биография // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5690. Л. 2–2 об., 4.

²⁴ См.: *Ростовцев Е.А.* Дневник Н.Н. Платоновой (Шамоиной) как источник по истории исторической науки // *Времена и судьбы: сб. ст. в честь 75-летия Виктора Моисеевича Панеяха* / Отв. ред. В.Г. Вовина-Лебедева. СПб., 2006. С. 270–318.

²⁵ Копия выписки из метрических книг за 1822 год о рождении Федора Платоновича Платонова // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5468. Л. 1.

²⁶ См.: Свидетельство на звание личного почетного гражданина Ф.П. Платонова // Там же. Д. 5473. Л. 1–2; Формулярный список о службе смотрителя Черниговской губернской типографии личного почетного гражданина Платонова // Там же. Д. 5470. Л. 12 об.

²⁷ Платонов Федор Платонович. Свидетельство о признании в потомственном дворянстве, выданное ему Департаментом герольдии Правительствующего Сената // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5475. Л. 1–6.

²⁸ Свидетельство о браке между Ф.П. Платоновым и К.А. Платоновой (Хрисанфовой) // Там же. Д. 5470. Л. 1 об.

²⁹ Записи дедушки Ал.Г. Хрисанфова // Там же. Д. 49 (хронологические заметки о родственниках)

³⁰ Формулярный список о службе состоящего при Министерстве внутренних дел титулярного советника Платонова // Там же. Д. 5470. Л. 27 об.

³¹ А.Г. Хрисанфов – Т.А. Поповой, 28 сентября 1875 г // Там же. Д. 6445. Л. 9.

³² См.: С.Ф. Платонов – Ф.П. Платонову, 23 мая 1877 г // Там же. Д. 1878. Л. 1.

³³ См. предисловие А.Н. Цамутали к настоящему изданию

³⁴ Копия определения Правительствующего Сената, выданная Департаментом герольдии о признании детей С.Ф. Платонова в потомственном дворянстве с правом на внесение в III часть дворянской родословной книги // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 51. Л. 1 об.

³⁵ Там же. Л. 2 об.

³⁶ Матрикул слушательницы высших женских курсов историко-филологического факультета Платоновой Натальи Сергеевны, поступившей на факультет в 1912 г. по 6 группе Русская история и всеобщая // ЦГИА СПб. Ф. 113. Оп. 2. Д. 1494. Л. 1–8.

³⁷ Матрикул слушательницы высших женских курсов историко-филологического факультета Платоновой Марии Сергеевны, поступившей на факультет в 1916 г. по 2 группе Русская филология // Там же. Д. 1490. Л. 1–7.

³⁸ См., например: Ведомость об успехах Веры Сергеевны Платоновой // ЦГИА СПб. Ф. 177. Оп. 1. Д. 41. Л. 92 об.–93; Матрикул слушательницы высших женских курсов историко-филологического факультета Платоновой Натальи Сергеевны // Там же. Ф. 113. Оп. 2. Д. 1494. Л. 1–8.

³⁹ Копия определения Правительствующего Сената, выданная Департаментом герольдии о признании детей С.Ф. Платонова в потомственном дворянстве с правом на внесение в III часть дворянской родословной книги // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 51. Л. 2.

⁴⁰ Свидетельство об исповеди и причастии [28 июля 1901 г], 16 августа 1901 г // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5620. Л. 1. См.: Т.А. [Контендантова] – К.А. Платоновой, 18 октября, 17 февраля, 1 марта 1887 г. // Там же. Д. 5641. Л. 1–8 об.

⁴¹ Паспортная книжка Н.Н. Платоновой // Там же. Д. 5619. Л. 5.

⁴² См.: Прошение Н.Н. Платоновой С.-Петербургскому градоначальнику [о выдаче открытого листа для свободного провоза тела Ф.П. Платонова в Москву] // Там же. Д. 5621. Л. 1; Паспортная книжка Н.Н. Платоновой // Там же. Д. 5619. Л. 5.

⁴³ См.: ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 50. Л. 4, 7 (поминальные книжки С.Ф. Платонова).

⁴⁴ См.: Свидетельство для свободного проживания в Петербурге Шамониной Софьи Николаевны // Там же. Д. 6408. Л. 1.

⁴⁵ Е.Л. Шамонина – Н.Н. Платоновой, 31 сентября [1911 г.?] // Там же. Д. 6100. Л. 7–9; Б.Н. Шамоин – Н.Н. Платоновой, [1911 г.?] // Там же. Д. 6070. Л. 1–4.

⁴⁶ См. письма Г.В. Шамонина и В.В. Шамонина Н.Н. Платоновой (ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 6072 и Д. 6071 соответственно)

⁴⁷ См. письма С.Н. Шамониной к Н.Н. Платоновой (Там же. Д. 6117, 6118).

⁴⁸ З.Н. Шамонина – Н.Н. Платоновой, 12 марта 1911 г. // Там же. Д. 6101. Л. 33.

⁴⁹ См. письма З.Н. Шамониной Н.Н. Платоновой (Там же. Д. 6101–6106).

⁵⁰ См.: З.Н. Шамонина – Н.Н. Платоновой, 1920-е гг. // Там же. Д. 6101. Л. 1.

⁵¹ См.: *Ростовцев Е.А.* Дневник Н.Н. Платоновой как исторический источник...

⁵² С.Н. Шамонина – Н.С. Краевич (урожд. Платоновой), 29 августа 1921 г. // Личный архив Т.Д. Федоровой

⁵³ Свидетельство о смерти Н.Н. Платоновой // ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5671. Л. 3.

⁵⁴ Н.С. Платонова – Н.С. Краевич (урожд. Платоновой), [1928 г.] // Личный архив Т.Д. Федоровой